

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 215

Институционализация теологии: опыт и перспективы**А. М. Прилуцкий¹, Д. В. Шмонин²*

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

² Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Российская Федерация, 115035, Москва, ул. Пятницкая, 4/2

Для цитирования: *Прилуцкий А. М., Шмонин Д. В.* Институционализация теологии: опыт и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 254–263. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.209>

Статья посвящена анализу институционализации теологии в отечественном научно-образовательном социуме, под которой понимается совокупность процессов, в результате которых теологические исследования получают в общественном сознании ученых статус научных исследований, а сама теология обретает контуры научной дисциплины. Процессы институционализации теологии, обеспечивающие ей место в пространстве знания, приводят к тому, что базовые критерии оценивания научного продукта начинают распространяться и на богословские исследования, что порождает ряд теоретико-методологических сложностей. Одним из важнейших критериев в оценке научного продукта являются требования «новизны» и «оригинальности» научного исследования, которые не могут механически распространяться на богословские исследования. Очевидно, что ни в теологии, ни в других областях научного знания упомянутые критерии не могут рассматриваться вне связи с другими традиционными требованиями, которым должно отвечать научное исследование. Авторы полагают, что за спорами о содержании критериев новизны и оригинальности теологических исследований скрываются неразрешенные на концептуально-методологическом уровне дискуссии о статусе гуманитарных наук. Кроме того, теологию часто сопоставляют с философией религии, религиозной философией и (или) религиоведением. В связи с этим и нормативы новизны и оригинальности исследования, сложившиеся в этих дисциплинах, нередко автоматически переносятся в пространство теологии. Такой подход не учитывает принципиальные отличия, коренящиеся в области иерархии аргументации и кри-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 22-28-20496 «Конфессиональная карта Омской области: инициация, разработка, использование при анализе человеческого капитала».

тики концепций и парадигм. В результате анализа специфики теологического знания авторы пришли к выводу о том, что открытия в области теологии становятся не столько факторами революционной ломки устойчивых теологических концепций, сколько инструментом их последовательного совершенствования в рамках существующей парадигмы.

Ключевые слова: теология, теологическое образование, методология науки, теологическая герменевтика, критерий новизны, критерий оригинальности.

Развитие теологии в современной России [1–10] свидетельствует о ее последовательной институционализации в отечественном научно-образовательном социуме. Полагаем, что сам термин «институционализация теологии» невозможно назвать бесспорным, поскольку и до перечисленных событий нельзя говорить, что теологии в ее институционализированном виде не было вовсе: она, безусловно, была представлена в духовных учебных заведениях, а также на философско-религиоведческих кафедрах в государственных и частных светских вузах, которые далеко не всегда были оплотом научного атеизма [11]. Однако именно этот термин позволяет очертить пространство и динамику процессов, в результате которых теологические исследования получают в общественном сознании ученых статус научных исследований, а сама теология обретает контуры научной дисциплины. Разумеется, теология в ее традиционном понимании, будучи цельной системой мировосприятия, не исчерпывается дискурсом науки [12–14], однако в рамках данной статьи мы ограничиваем предмет анализа именно содержанием дискурса рациональной теологии как отрасли знания. Равным образом вне предмета рассмотрения окажется проблема стратификации теологического дискурса в соответствии с критериями «модернизма»/«фундаментализма», которые, помимо прочего, оказываются сложно демаркируемыми, подверженными своеобразному концептуальному дрейфу [15], с учетом того, что сама религия в философских и отчасти теологических исследованиях выступает в качестве дискурсивной формы реальности [16, с. 110].

Процессы институционализации теологии, обеспечивающие ей место в пространстве знания, приводят к тому, что общепринятые у нас базовые критерии оценивания научного продукта начинают распространяться и на церковно-академические, богословские исследования, которые начиная с 2016 г. попали в фокус паспорта научной специальности 26.00.01, сначала без деления по религиозно-конфессиональному основанию, а позднее — с делением на исследовательские направления (православие, ислам, иудаизм). В новой номенклатуре научных специальностей теология получила также разделение на три научные специальности: 5.11.1 — теоретическая теология, 5.11.2 — историческая теология, 5.11.3 — практическая теология. С учетом большей мобильности в организации диссертационных советов, которая заложена в новых нормативных документах, появляется возможность специализации диссертационных советов и дифференцированного подхода к диссертациям. Отметим при этом, что сегментирование в теологии как отрасли или группы специальностей осуществляется теперь и по тематике (теория, история, практика), и по исследовательским направлениям, которые мы перечисляем «в порядке поступления заявок на теологию»: православие, ислам, иудаизм, протестантизм¹.

¹ Протестантизм как исследовательское направление был включен в паспорта новых специальностей решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки

В связи с описанными выше новшествами обратим внимание на то, что специфика христианского теологического исследования, даже если не учитывать религиозно-конфессиональную стратификацию теологического дискурса, формируется в определенных многовековой традицией нормативных рамках, за пределами которых теология существовать не может: «...в критическом исследовании она заходит настолько далеко, насколько это возможно для теологической школы», — в свое время писал о Тюбингенской школе Ф. Энгельс (Friedrich Engels) [17, с. 473], доказывая наличием этих границ теологический характер данного критического направления прежде всего в библейской герменевтике. (Заметим, что именно герменевтика становится пространством дискуссий основных теологических школ и направлений XX в. [18, с. 446].)

Постараемся проанализировать то, каким образом общепринятые нормы отношения к научной деятельности и ее результатам могут и должны применяться к теологии и теологическим исследованиям.

Одним из непререкаемых критериев в оценке научного продукта являются требования «новизны» и «оригинальности» научного исследования, которые, уже в силу отмеченной специфики теологического знания, не могут механически распространяться на богословские исследования. Очевидно, что ни в теологии, ни в других областях научного знания упомянутые критерии не могут рассматриваться вне связи с другими традиционными требованиями, которым должно отвечать научное исследование: так, например, в случае с «Новой хронологией» академика А. Т. Фоменко и его соавторов, чьи исследования, безусловно, являются и оригинальными, и новыми, мы имеем дело с тем, что метафорически можно определить как «ересь в истории и филологии». Однако особенностью теологии является то, что в отличие от прочих гуманитарных дисциплин в ней присутствует искушение как аллегорической, так и вполне буквальной ереси.

Благодаря семиотической инерции «новизна» и «оригинальность» рассматриваются как синонимы или как жестко взаимодополняющие понятия, когда одно непременно подразумевает другое. Новизна определяется областью результатов — как вероятных и запланированных, так и на деле полученных. Она связана с объемом методологии, позволяющей получать результаты, не совпадающие с полученными ранее. Благодаря укорененности в одном методологическом пространстве, новые и старые результаты обладают определенным общим множеством признаков.

Оригинальность распространяется на все исследование в целом, в том числе саму методологию, спектр, иерархическое и структурное отношение методов, постановку и формулировку задач, подбор источниковой базы. Возрастание степени оригинальности характерно для ситуаций, близких к «научным революциям» (хотя их понимание варьирует у самих теоретиков [19]) и иным парадигмальным сдвигам, что реже всего наблюдается в точных и естественных науках, для которых смена парадигмы и, соответственно, методологической базы — явление, обязывающее к признанию все научное сообщество помимо небольшого числа тех, кто располагает индивидуальными, альтернативными взглядами на происходящее. Такого рода смена оказывается и более драматичной. Так, формирование эволюционной

и высшего образования России. На момент написания статьи изменения в номенклатуре проходят стадию согласования и регистрации в Министерстве юстиции России.

парадигмы в биологии не случайно вызвало массовый скандал и массовый же энтузиазм гораздо сильнее, чем активное применение той же парадигмы, например, в языкознании (где она воспринималась как нечто естественное) или в науке об обществе (где ее применимость дискутировалась вполне законно). Для этих же научных дисциплин характерна относительно меньшая зависимость от социального контекста, действие которого оказывается неоднотипным и при этом иррегулярным. Не случайно внутренний механизм очищения именно здесь работает наиболее однозначно и наглядно. Социальные и гуманитарные науки располагают в качестве нормативного изначальным парадигмальным разнообразием, а потому и смена парадигм оказывается не столь обязывающей для научного сообщества.

За спорами о содержании критериев новизны и оригинальности теологических исследований, как нам представляется, скрываются неразрешенные на концептуально-методологическом уровне дискуссии о наукологическом статусе гуманитарных наук вообще, споры, порожденные концепциями вульгарного позитивизма, которые в силу исключительной простоты оказываются трудно изживаемыми. Равным образом за набившими оскомину спорами между «физиками» и «лириками» скрывается конфликт мировоззренческий, в основе которого лежит попытка сведения науки к области позитивистских исследований феноменов и процессов, свойственных материальному миру. Гуманитаристике при таком подходе априорно назначен статус «искусства» (*ars*), противопоставляемого «науке» (*scientia*) по основным критериям «научности», среди которых на первый план выходит развитие прикладной науки. Отметим, что отечественная научная традиция в меньшей степени испытывала на себе данные влияния, во многом именно потому, что в советский период гуманитарные дисциплины были призваны решать своеобразные прикладные задачи, обусловленные идеологической конъюнктурой. Естественно, что накопленный опыт научного (в той или иной степени) осмысления религиозных процессов и явлений с нетеологических позиций влияет на современную отечественную научную традицию, в рамках которой институционализация теологии еще не завершена.

В плане предмета и методологии исследования теологию часто сопоставляют с философией религии, религиозной философией и (или) религиоведением. В связи с этим и нормативы новизны и оригинальности исследования, сложившиеся в этих дисциплинах, нередко автоматически переносятся в пространство теологии, причем делается это часто механически. Однако такой подход не учитывает имеющиеся принципиальные отличия, коренящиеся в области иерархии аргументации и критики концепций и парадигм.

Так, для теологического исследования в большей степени характерен эмический подход, предполагающий интеграцию исследователя в соответствующий понятийно-мировоззренческий контекст, тогда как религиоведческое в большей степени предполагает восприятие предмета исследования глазами стороннего наблюдателя. В связи с этим представляет интерес формирующаяся традиция «конфессионального религиоведения», которое декларирует изучение различных религиозных традиций с конфессиональных точек зрения, однако специфика дискурса конфессионального религиоведения позволяет рассматривать его как особую форму сравнительного богословия. Смена концепций и парадигм в теологии, как мы это видим на примере развития протестантизма на протяжении XVIII–XX вв., проходит исключительно болезненно, оказывая травмирующее влияние на ход

церковной жизни, порождая расколы, конфессиональную миграцию, религиозные конфликты и разочарование. В религиозной философии подобные процессы происходят по «более мягкому» сценарию.

Не менее интересна и проблема «догматического развития», впервые сформулированная католическими теологами XIX в. в рамках решения практических задач в области апологетики. Принятие данной концепции могло бы позволить приблизить понимание критерия научной новизны в теологии и других областях знания, в том числе религиозной философии, однако это в значительной степени способствовало бы утрате теологией концептуальной и теоретико-методологической самостоятельности.

Другая проблема коренится в специфической стратификации теологического дискурса, которая, помимо автономизации отдельных теологических дисциплин и предметных областей (возьмем в пример христианство: догматическое богословие / систематическая теология, сотериология, эсхатология, экклесиология, литургия и т. д.), происходит и в связи с конфессиональным делением, причем эта стратификация не приобретает различный характер в восточно- и западнохристианской мысли.

Было бы ошибкой уподобить конфессиональные теологические страты научным школам в традиционном понимании этого явления (например, по аналогии с московской и ленинградской фонологической школами). В эпоху, которую иногда определяют как «постконфессиональный мир западного христианства» [20], действие конфессионального критерия в теологии приобретает трудно формализуемые черты. И если апологеты протестантизма зачастую стараются интерпретировать Реформацию как результат теологического (в области экзегетики) открытия, с точки зрения православного и католического понимания сущности теологического исследования такой подход представляется как минимум спорным. Равным образом это относится к попыткам интерпретировать протестантские теологические течения XX в. в качестве «инновационных» и в силу это противостоящих католическому (и православному) традиционализму [21, с. 313].

Один из факторов, порождающих трудности науковедческого порядка, связан с лингвосемиотическим статусом слова «открытие», претендующего на полноценное понятийное функционирование. В терминологическом аспекте данная лексема имеет недостатки, ее содержание, особенно в зависимости от контекста, является плохо демаркированным. Говоря о «научном открытии», мы обычно имеем в виду не только появление чего-то нового, переведение неизвестного в разряд известного (а это и есть базовые семы); мы имплицируем степень и объем затраченных творческих усилий, возможных последствий, включая технологические, практические технологии использования, «полезность», о которой так любят сообщать в рамках типичного гуманистически-сциентистского дискурса, сформировавшегося в XIX в., когда бесполезное оказывается не открытием, а только новинкой, безделушкой, интересной кругу избранных специалистов. В рамках дискурса «популярной науки» любое открытие для получения общепризнанного статуса именно «открытия» является объектом «защиты», когда всячески эксплицируются и разъясняются его полезные для человеческой жизни (включая по возможности и обиходную) стороны и возможности. Если это не удастся, то открытие оказывается как бы не совсем полноценным. Так случалось с феноменами, принципиально трудно-

постигаемыми для малоподготовленного читателя и с неочевидной практической применимостью. В качестве примера можно сопоставить исследования в области физики микромира (знаменитый атом, помогающий человеку в разных областях жизни) и некоторые теоремы, вроде теоремы Геделя (Kurt Friedrich Gödel) или «Великой» теоремы Ферма (Pierre de Fermat), которые обычно воспринимались как «великие» во многом интуитивно и более эстетически, чем строго эпистемологически; феномен «ферматизма» не случайно обычно не связан со стремлениями облагодетельствовать человечество. «Открытиями» в повседневности нередко именуют находки, не имеющие отношения к научным исследованиям, вроде контекстов следующего рода: «При расследовании аварии на заводе комиссия сделала неожиданное открытие». Дело даже не в так называемых открытиях, опередивших время, признанных и использованных с запозданием, — открытие не обязано обладать указанными признаками. В противном случае необходима семантическая, прагматическая и семасеологическая ревизия самого слова. Интересно, что даже преобладание возможностей негативного, разрушительного, преступного практического использования тоже годится для дискурсной легализации в статусе «открытия». Достаточно вспомнить множество персонажей романтического и неоромантического искусства, всех гениальных ученых-злодеев, изначально ненавидящих человечество или озлобившихся из-за непризнания, например, галерею персонажей Г. Уэллса (Herbert George Wells), которому, кстати, вопросы философии науки и науковедения, включая футурологический аспект, были весьма интересны [22].

На деле мы наблюдаем частое соединение (или изначальный дефект дифференцировки) полезности и просто новизны как таковой, что создает семантическое мерцание лексемы «открытие». Открытие в чистом виде нейтрально к полезности и вредности, затратам исследователей, временной отнесенности материала изучения, особенностям его статуса (например, религиозного, священного, неприкосновенного для определенных референтных групп), вообще времени, когда открытие сделано, — понятно, что мы принципиально различаем новизну и историческую дату, к которой открытие привязано.

Спор о том, что определяет статус открытия, «ускользает в область языка», а мнимая очевидность содержания данной лексемы даже для широкой публики усложняет дело. В немалой мере такая мнимая очевидность создана дискурсом популяризации науки.

Применительно к теологии вопрос о статусе «научного открытия» обретает особую остроту. Очевидно, что в рамках традиционного теологического дискурса понятие «научное открытие» не может обозначать феномен, наукологически идентичный тому, который маркируется в качестве открытия в точных или естественных науках. Равным образом научная революция, связанная с активным использованием в «светских науках» методов диалектического анализа и эксперимента, приводящая к активнейшему развитию науки в период раннего Нового времени, оказала на теологию влияние неоднозначное и во многом спорное. Да и сам процесс смены концепций и парадигм в теологии развивается совершенно иначе, нежели в точных и естественных науках. Открытие в области теологического исследования в принципе возможно, однако последствия открытий в теологии, как правило, не приводят к формированию новых школ и направлений. Последние, как это отчетливо видно на примере формирования различных направлений «теологий родительного

падежа», связаны не с открытиями в области научной теологии, но с использованием теологической методологии и концептосферы для осмысления проблематики, традиционно к сфере богословского знания не относящийся: идет ли речь о теологии революции или теологии экологического кризиса. Область же теологического открытия, как правило, бывает ограничена: обнаружением, описанием и введением в научный оборот новых источников; атрибуцией и датировкой текстов; решением герменевтических и текстологических сложностей, возникающих при изучении теологических памятников; областью контекстуального анализа, позволяющего уточнить наши знания о влиянии экстратеологических факторов.

При этом теологический дискурс оказывается устойчивым по отношению к воздействию «открытий» существенно в большей степени, нежели к влиянию внешних, политических и идеологических факторов. Так, грандиозные открытия рукописей Мертвого моря оказали на современную библеистику существенно меньшее влияние, нежели политические и идеологические процессы того же XX в.: мы отлично видим это на примере «теологии крови и почвы» в нацистской Германии или «феминистической теологии» конца прошлого столетия. Однако, несмотря на кажущуюся продуктивность, экстратеологические влияния на богословский дискурс обладают весьма ограниченным потенциалом продуктивности. Последний оказывается исчерпанным сразу, как только происходит изменение политической конъюнктуры. К открытиям в сфере теологии он не приводит, а вызванные им трансформации теологического дискурса часто ограничиваются сферой герменевтики, тем, что можно определить как обусловленную требованиями политкорректности герменевтическую мимикрию. В связи с этим обретает актуальность проблема верификации теологических исследований, решение которой возможно в рамках «идентификационного треугольника» — «самоопределение мыслителя как принадлежащего определенной традиции, внешняя оценка принадлежности указанной традиции, о которой свидетельствует признание его работ церковно-академическим магистериумом, более широкое их признание в гуманитарном обществе» [23, с. 210].

Реальные открытия в области теологии становятся не столько факторами революционной ломки устойчивых теологических концепций, сколько инструментом их последовательного совершенствования в рамках существующей парадигмы.

Литература

1. Прилуцкий, А. М. (2006), Религиоведение и теология: проблемы границы (к вопросу об интеграции теологии в систему высшего образования современной России), *Интеграция образования*, № 2 (43), с. 96–102.
2. Шмонин, Д. В. и Шахнович, М. М. (2013), Теология и религиоведение в современной России: практика образовательной деятельности, *Вестник РХГА*, т. 14, вып. 1, с. 253–255.
3. Васильева, О. Ю. (2014), Я против противопоставления советской и российской науки о религии..., *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*, № 32 (3), с. 295–301.
4. Орлов, М. О. (2015), Теологическое образование в высшей школе: поиск дисциплинарной идентичности, в: *Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах, материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции*, Омск: Изд-во ОмГУ, с. 41–48.
5. Митр. Иларион (Алфеев) (2016), Теология в современном российском академическом пространстве, *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*, № 34 (3), с. 224–239. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-3-224-239>

6. Мочалов, Е. В. (2017), Философия религии и теология: диалог или противостояние, *Социально-политические науки*, № 6, с. 41–44.
7. Шмонин, Д. В., Афанасий (Микрюков), иером. (2018), Событие года в теологии: несколько слов о конференции в Москве, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, т. 18, вып. 3, с. 349–351.
8. Шмонин, Д. В. и Афанасий (Микрюков), иером. (2018), Теология в системе образования современной России: точки роста, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, т. 19, вып. 4, с. 355–363.
9. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (2019), Теология и ценности: будущее России, *Теология и образование, Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации*, М., с. 9–13.
10. Мухетдинов, Д. В. (2019), Размышляя о дисциплинарных границах исламской теологии, *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*, т. 15, № 3, с. 23–34.
11. Shakhnovich, M. (2021), “Scientific Atheism” as an Ideological Construct and Educational Project (1950s–1980s), *Religiski-Filozofiski Raksti*, vol. XXXI, p. 8–23.
12. Шмонин, Д. В. (2019), Научная рациональность и «возвращение к теологии», *Вопросы теологии*, т. 1, № 3, с. 280–306. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2019.301>
13. Шмонин, Д. В. (2001), *Тайна ответа: Введение в рациональную теологию*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии.
14. Шмонин, Д. В. (2022), Теология и философия науки, *Вопросы философии*, № 1, с. 197–207. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-197-207>
15. Головушкин, Д. А. (2016), Православный фундаментализм: возвращение к осмыслению, *Философская мысль*, т. 1, с. 111–155. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.1.17759>
16. Phillips, D. Z. (2000), Grammar and religious belief, in: *Philosophy of Religion: a guide and anthology*, Oxford: Oxford University press, p. 108–115.
17. Энгельс, Ф. (1962), *К истории первоначального христианства*, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., Сочинения, т. 22, М.: Государственное издательство политической литературы, с. 465–492.
18. Schwarz, H. (2005), *Theology in a Global Context: The Last Two Hundred Years*. Cambridge: Wm. B. Eerdmans Publishing.
19. Kuhn, T. S. (1962), *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago: University of Chicago Press.
20. Богатырев, Д. К. и Прилуцкий, А. М. (2015), Конфессиональная модель современного христианства (критика концепций и парадигм), *Вестник РХГА*, т. 16, вып. 4, с. 157–168.
21. Grenz, S. J. and Olson, R. E. (1992), *20th-Century Theology: God and the World in a Transitional Age*, Illinois: InterVarsityPress.
22. Горохов, П. А. (2011), Философские идеи в фантастике Герберта Уэллса, *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 7 (126), с. 24–31.
23. Шмонин, Д. В. (2022), Теология и философия науки: проблемы идентификации, *Вопросы философии*, № 1, с. 197–207. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-197-207>

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2021 г.;
рекомендована к печати 5 апреля 2022 г.

Контактная информация:

Прилуцкий Александр Михайлович — д-р филос. наук, проф.; alpril@mail.ru

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, проф.; dmitry.shmonin@gmail.com

Institutionalization of theology: Experience and prospects*

A. M. Prilutskii¹, D. V. Shmonin²

¹ Herzen State University,

48, nab. r. Moiki, St Petersburg, 191186, Russian Federation

² Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate and Doctoral Studies,
4/2, Pyatnitskaya ul., Moscow, 115035, Russian Federation

For citation: Prilutskii A. M., Shmonin D. V. Institutionalization of theology: Experience and prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 2, pp. 254–263. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.209> (In Russian)

The article explores the institutionalization of theology in domestic scientific and educational society, which is understood as a set of processes, as a result of which theological research receives the status of scientific research in the public consciousness of scientists, while theology itself acquires the contours of a scientific discipline. The processes of institutionalizing theology, providing it with a place in the space of knowledge, leads to the fact that basic criteria for evaluating a scientific product begin to spread to theological research, which gives rise to a number of theoretical and methodological difficulties. One of the most important criteria in evaluating a scientific product is the requirement of “novelty” and “originality” of scientific research, which cannot be mechanically extended to theological research. It is obvious that neither in theology nor in other areas of scientific knowledge can these criteria be considered apart from other traditional requirements that scientific research must meet. The authors believe that behind the disputes about the content of the criteria for novelty and originality of theological research, there are discussions about the status of the humanities that have not been resolved at the conceptual and methodological level. In addition, theology is often compared with the philosophy of religion, religious philosophy, and/or religious studies. In this regard, the norms of novelty and originality of research that have developed in these disciplines are often automatically transferred to the space of theology. As a result of the analysis of the specifics of theological knowledge, the authors came to the conclusion that discoveries in the field of theology are becoming not so many factors in the revolutionary breaking of stable theological concepts, but a tool for their consistent improvement within the existing paradigm.

Keywords: theology, theological education, methodology of science, theological hermeneutics, criterion of novelty, criterion of originality.

References

1. Prilutskii, A. M. (2006), Theology and religion science: problems of borders (on the issue of religion science and theology integration into the system of higher education of modern Russia), *Integratsiia obrazovaniia*, no. 2 (43), pp. 96–102. (In Russian)
2. Shmonin, D. V. and Shakhnovich, M. M. (2013), Theology and religious studies in modern Russia: the practice of educational activities, *Review of the Christian Academy for the Humanities*, vol. 14, iss. 1, pp. 253–255. (In Russian)
3. Vasil'eva, O. Iu. (2014), I am against opposing the soviet and post-soviet religious studies..., *Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 32 (3), pp. 295–301. (In Russian)
4. Orlov, M. O. (2015), Theological education in higher education: the search for disciplinary identity, in: *Actual theology: religious identity in regional sociocultural processes: collection of materials II of the All-Russian youth scientific and practical conference*, Omsk, Omsk State University Press, pp. 41–48. (In Russian)
5. Metropolitan Hilarion (Alfeev) (2016), Theology in contemporary Russian academia, *Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 34. (3), pp. 224–239. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-3-224-239> (In Russian)

* The study was financially supported by the Russian Science Foundation No. 22-28-20496 “Denominational map of the Omsk region: initiation, development, use in the analysis of human capital”.

6. Mochalov, E. V. (2017), Philosophy of Religion and Theology: Dialogue or Confrontation, *Sotsial'no-politicheskie nauki*, no. 6, pp. 41–44. (In Russian)
7. Shmonin, D. V. and hieromonk Athanasius Mikryukov (2017), The event of the year in theology: a few words about the conference in Moscow, *Review of the Christian Academy for the Humanities*, vol. 18, iss. 3, pp. 349–351. (In Russian)
8. Shmonin, D. V. and hieromonk Athanasius Mikryukov (2018), Theology in the educational system of contemporary Russia: points of raise, *Review of the Christian Academy for the Humanities*, vol. 19, iss. 4, pp. 355–363. (In Russian)
9. Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia (2019), Theology and values: the future of Russia, *Teologiya i obrazovanie. Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'noi teologicheskoi assotsiatsii*, Moscow, pp. 9–13. (In Russian)
10. Mukhetdinov, D. V. (2019), Reflection on the limits and scope of the Islamic theology, *Islam v sovremennoy mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskii aspekty*, vol. 15, no. 3, pp. 23–34. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2019-15-3-23-34> (In Russian)
11. Shakhnovich, M. (2021), “Scientific Atheism” as an Ideological Construct and Educational Project (1950s–1980s), *Religiski-Filozofiski Raksti*, vol. XXXI, pp. 8–23.
12. Shmonin, D. V. (2019), Scientific rationality and the “return to theology”, *Voprosy teologii*, vol. 1, no. 3, pp. 280–306. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2019.301> (In Russian)
13. Shmonin, D. V. (2021), *The Mystery of the Answer: An Introduction to Rational Theology*, St Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Akademii. (In Russian)
14. Shmonin, D. V. (2022), Theology and philosophy of science, *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 197–207. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-197-207> (In Russian)
15. Golovushkin, D. A. (2016), Orthodox fundamentalism: a return to understanding, *Filosofskaia mysl'*, vol. 1, pp. 111–155. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.1.17759> (In Russian)
16. Phillips, D. Z. (2000), *Grammar and religious belief, Philosophy of Religion: a guide and anthology*, Oxford: Oxford University press.
17. Engels, F. (1966), *To the history of primitive Christianity*, Marx, K. and Engels, F., *Collected writings*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., vol. 22, pp. 465–492. (In Russian)
18. Schwarz, H. (2005), *Theology in a Global Context: The Last Two Hundred Years*. Cambridge: Wm. B. Eerdmans Publishing.
19. Kuhn, T. S. (1962), *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago: University of Chicago Press.
20. Bogatyrev, D. K. and Prilutskii, A. M. (2015), Confessional model of modern Christianity (criticism of concepts and paradigms), *Review of the Christian Academy for the Humanities*, vol. 16, iss. 4, pp. 157–168. (In Russian)
21. Grenz, S. J. and Olson, R. E. (1992), *20th-Century Theology: God and the World in a Transitional Age*, Illinois: InterVarsity Press.
22. Gorokhov, P. A. (2011), Philosophical ideas in fiction by Herbert Wells, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (126), pp. 24–31. (In Russian)
23. Shmonin, D. V. (2022), Theology and Philosophy of Science: Problems of Identification, *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 197–207. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-197-207> (In Russian)

Received: December 22, 2021

Accepted: April 5, 2022

Authors' information:

Alexander M. Prilutskii — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; alpril@mail.ru

Dmitrii V. Shmonin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; dmitry.shmonin@gmail.com